

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

“НО ДО КОНЦА ДА СОБЛЮДИТЕ ИСТИННУЮ ВЕРУ...” (ИЗ ИСТОРИИ СУХИНИЧСКОГО * ЕДИНОВЕРИЯ)

В.В.Боченков

Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия. (Лк. 9, 62)

ГРИГОРИЙ ГЛИНКИН

Точно гром среди ясного неба был для сухиничских купцов-старообрядцев октябрьский 1854 г. императорский указ. Он лишил их всех сословных привилегий. Теперь все лица торгового сословия должны были предъявлять при объявлении гильдейских капиталов справку о принадлежности к синодальному православию или единоверию. Только в этом случае они сохраняли купеческое звание. А тот, кто был старообрядцем и не желал изменить вере отцов, мог пользоваться купеческим свидетельством на временном праве или низводился в мещане. Это влекло за собою такие “неприятности,” как, например, рекрутчина.

Что делать?

Не находя лучшего выхода, сухиничские купцы подали калужскому губернатору заявление, что хотят перейти в единоверие и присоединиться к приходу единоверческой церкви Сошествия Святого Духа, что в Калуге - верстах в 80-ти от безуездного торгового городка. Расчёт был прост. Единоверческий храм далеко, и синодальные священники редко будут ездить в Сухиничи (1).

Ходатайство о присоединении к единоверию и выдаче гильдейских свидетельств легло на стол калужского губернатора Петра Булгакова в конце декабря 1854 г.. Он предписал сухиничской ратуше выдать гильдейские свидетельства всем, чьи имена и фамилии стояли под прошением. Таковых было 58 человек (2).

Но вскоре оказалось, что из этих 58 купцов и зажиточных мещан 40 числятся в синодальном православии и по закону не имеют права перейти в единоверие. Перечеркнуть губернаторский указ было уже поздно. Гражданская

власть решила закрыть на такое нарушение глаза, присоединив всех просителей к единоверию. Калужская духовная консистория предприняла попытки увещать сухиничских купцов. Однако лишь трое из сорока согласились числиться в господствующей церкви. Остальные решительно заявили, что хотят быть единоверцами (3).

Посещая Сошестввенский храм в Калуге, сухиничане завели знакомство с тамошним уставщиком Григорием Михайловичем Глинкиным (4). Тогда, в 1855 г., ему было 60 лет (по другим данным — чуть более 50). Коренной старообрядец, Глинкин родился в посаде Клиницы Черниговской губернии (ныне Брянская область). Принадлежал к мещанскому сословию. В 1845 г. принял единоверие, а с 1851 г. состоял уставщиком при калужской единоверческой церкви Сошествия Святого Духа. Вдовец, он имел троих взрослых детей. Судим и штрафован не был (5).

Глинкин и сухиничские купцы нашли общий язык легко. Единоверие было им одинаково противно. Убедившись, что Григорий Михайлович — человек умный, начитанный и твердо верующий, сухиничане упростили его принять духовный сан и тайно служить в старообрядчестве под маской единоверия. Глинкин согласился (6).

В феврале 1855 г. от купечества Сухиничей последовала на имя местного городского головы бумага, где оговаривались условия учреждения в безуездном городе единоверческого храма. Было отмечено, что для начала приход составит минимум 426 душ, затем за счет притока новых людей увеличится, а священника и причт единоверцы выберут из своей среды по собственному усмотрению.

О намерении учредить в Сухиничах единоверческий приход купцы известили и калужского губернатора. Они донесли, что церковь желают иметь каменную. Но пока она будет возводиться, просили разрешить им перестроить под храм старообрядческую моленную, издавна в городе существовавшую, а священником иметь уставщика Глинкина (7).

Просьбу сухиничан губернатор направил

* **Сухиничи** — город в Калужской области, на небольшой речке Брынь. Образован в 1840 г. из экономического села. В XIX в. был важным складским местом для товаров, отправляемых на Волгу и Западную Двину. Известен как большой рынок пеньки и конопляного масла. Один из центров старообрядчества в Калужской губернии. В начале XX в. при 7 тыс. населения сухиничский старообрядческий храм Казанской Божией матери (старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию и “Окружное послание”) насчитывал около тысячи прихожан. Сухиничи были безуездным городом и относились к Козельскому уезду Калужской губернии.

епархиальному архиерею — епископу Калужскому и Боровскому Григорию. Тот сразу согласился на перестройку моленной. Но Глинкина рукополагать не захотел и, оттягивая время, запросил на то особого разрешения в Синоде (8).

В декабре 1855 г. Синод дал добро.

А пока суд да дело, заподозрив неладное и не видя в Глинкине “своего”, калужский Преосвященный послал Григория Михайловича в июле того же года вместе с младшим священником единоверческой церкви Сошествия Афанасием Розановым в Сухиничи. Цель — наблюдение за перестройкой моленной и совершение треб. Однако сухиничские единоверцы отказались исполнять требы у Розанова. Объяснили они это тем, что кроме Глинкина ни к какому другому священнику обращаться не желают (9).

Краткие сведения о Розанове хранят клировые ведомости о церквях Калуги. Если мы откроем их, легко поймём, что это за человек... В 1844 г. окончил курс богословских наук в калужской

духовной семинарии. В 1846 г. рукоположен в Никитской церкви с.Казаринова Малоярославецкого уезда (ныне района). В 1853 г. переведен в губернский центр к единоверческому храму Сошествия. С годами отец Афанасий дослужился до должности благочинного. Имел награды: набедренник и бархатную фиолетовую скуфью. В январе 1890 г. он благополучно уволился за штат по старости и болезни. Синод назначил ему пенсию: 130 руб. в год (10). Иными словами — перед нами типичный синодальный священник и по образованию, и по духу, и по карьере. Полная противоположность Глинкину.

Время шло. Гражданское начальство губернии, испытывая давление из Министерства внутренних дел, стало торопить консисторию с рукоположением Глинкина в сан. После благословения из Синода осталась лишь одна формальность: получить из Черниговской казенной палаты справку, что для перечисления клинцовского мещанина Глинкина из податного сословия в духовное нет никаких препятствий.

Справка эта пришла в калужскую консисторию 12 марта 1856 г. (11). 20 марта единоверческого уставщика привели к присяге. На следующий день он был посвящён в стихарь и произведён в иподиакона при калужском Троицком соборе. 23 марта Глинкина поставили во диакона, а 24-го — в священника (12). Древний Чиновник для своего рукоположения Григорий Михайлович принёс сам (13).

Нигде не служа ни одной литургии, Глинкин отправился в Сухиничи и 31 марта донёс епископу, что был принят прихожанами “благосклонно и приятно” (14).

Полтора месяца спустя, 11 мая, отец Григорий освятил в Сухиничах единоверческую церковь

в честь Покрова Богородицы. “...Немудрено, что в память знаменитой в расколе ветковской Покровской церкви”, — писал в 1885 г. по этому поводу исследователь сухиничского единоверия С. Марков (14). Из его книги, которая так и называется:

Старинный дом на одной из улиц г.Сухиничи

“Сухиничские единоверцы”, известно и местонахождение храма: “среди мучной площади, в конце” (15).

Учреждение в городе нового храма и появление единоверческого батюшки раскололо сухиничских старообрядцев. Многие отказались принимать единоверие даже формально, для вида.

Лидерами протиединоверческой оппозиции стали: бывший уставщик сухиничской старообрядческой моленной (это её перестроили под церковь) Василий Иванович Клочков и купец Фёдор Андреевич Ульянов (16). Они призвали не подчиняться Глинкину и обходить Покровский храм стороной. Слова их имели успех. И немалый. “Многие из тех, кои изъявили готовность из раскола обратиться к единоверию... оставив былую мысль свою один за другим стали возвращаться по-прежнему в раскольнические моленные”, — доносил в губернское правление сухиничский городской стряпчий. И еще предупреждал, что очень многие посещают единоверческую церковь лишь для видимости (17).

Стряпчий предлагал принять меры против Ульянова и Клочкова. Последнего он советовал вообще удалить из города, воспользовавшись тем, что его билет на жительство находится в палате уголовного суда (18). Клочков там проходил по уголовному делу о “совращении в раскол”, а приписан был к мещанству стародубского посада Воронок (ныне Брянской области). “Действовать по моему доношению необходимо с особенною быстротою, — бил стряпчий в колокола, — ибо всякое замедление послужит в пользу вооружившихся противу единоверия” (19).

В Государственном архиве Калужской области (далее - ГАКО) хранятся некоторые дела о Клочкове и Ульянове. О судьбах этих людей мы поговорим чуть ниже.

Трагедия Глинкина заключалась в том, что многие сухиничские старообрядцы не признали его своим, и он долгое время оставался “никоианским” священником, рукоположенцем синодального архиерея. Его сочувствие старообрядцам и попытки перейти в древнее православие тут никакой роли не сыграли. Глинкину не верили. Считали его врагом. Отец Григорий оказался меж двух огней: старообрядцами, которые не пошли ради своих меркантильных интересов в единоверческую упряжку, и собственным епархиальным начальством. Ведя двойную игру, Глинкин принял на себя противные совести обязанности государственного служащего в рясе: “всё насматривать и епископу доносить”, сообщать об инакомыслящих, обо всем, по его мнению, подозрительном, что происходит в районе его жительства (20). Выхода у Глинкина не было. И он доносил на старообрядцев, которые противостояли ему. На старообрядцев, с которыми он мечтал быть в единстве веры.

Сразу после освящения Покровской церкви Глинкин предпринял две попытки порвать с синодальным православием и тайно присоединиться к Древлеправославной Церкви Христовой. В 1856 г. он с несколькими прихожанами отправился в Тулу к “отцу Павлу” (Павел Тульский?), “чтобы обряд исполнить вполне и очистить совесть”. Но замысел этот провалился. Павел не принял Глинкина на исповедь и отказался присоединить его. Он “такой показал на нас зверской образ, что мы не знали, как и отойти от него, и сколько мы его ни просили... все наши прошения оставались втуне. Тогда мы заплакали горько, да и пошли от него”, — вспоминал потом отец Григорий (21).

Вернувшись, Глинкин сделал очередную попытку “обратиться к австрийскому священству”. Подробности ее не ясны. И этот шаг тоже был безуспешен (22).

Кроме этих двух неудач уготовано было отцу Григорию еще одно испытание, после того как

он приступил к священническим обязанностям.

В 1856 г. на светлой седмице Глинкин обходил дома прихожан, отсутствовавших на пасхальном богослужении. Таковой обычай сейчас не имеет распространения, поскольку верующие живут далеко от храма и попеременно с неверующими. А до начала гонений советского времени эти обходы были делом обязательным. Нужно пояснить, что в данном случае священнослужитель, ходивший в сопровождении причта с иконами и крестом по приходским дворам, прообразовал собою Ангела, благовествующего Воскресение Господне и возвещающего радость этого праздника (23). Однако перед Глинкиным многие двери оказались в тот день закрыты. Единоверческого священника не пустили на порог — запрет общаться с еретиками.

Обо всем случившемся последовали донесения в губернское правление от городского стряпчего и сухиничского надзирателя. Глинкин оказался в ситуации, заставляющей и его доносить (24).

Происшествие наделало немало шума и стоило отцу Григорию многих тревог. Ему, ищущему способ присоединиться к старообрядчеству, приказали вразумлять не принявших единоверие и доносить о тех, кто выступает против него (25).

Не пожелавшие идти в синодальной упряжке старообрядцы лишились моленной. Новое молитвенное здание построено было в Сухиничах лишь в 1860-х гг., а до этого приходилось собираться для богослужения у кого-то на дому (26). В городе возникло несколько домовых моленных. Их список может послужить опорной точкой для дальнейшего изучения сухиничского старообрядчества, поэтому приведем его целиком. Итак, собираться для общей молитвы сухиничские старообрядцы могли:

1. у мещанина Прокофия Аксенова,
2. у старицы Софьи Ульяновой,
3. у мещанина Степана Саскина (или Силкина) с “старицею Глушичевою”,
4. у мещанина Ивана Шишкова,
5. у мещанки Авдотьи Катовой,
6. у мещанина Ивана Филимонова с “старицею Дарьею”,
7. у мещанина Федоса Филимонова,
8. у мещанки Анны Петровой (27).

О судьбах перечисленных здесь людей пока ничего не известно.

Минул жестокий для Глинкина 1856 г. Однако Григорий Михайлович не получил облегчения. Предстояла борьба за независимость сухиничской церкви от епархиальных властей. Главным стремлением отца Григория было в ту пору сохранить за старообрядцами-единоверцами храм и, присоединившись к Древлеправославной Цер-

кви Христовой, свободно вести в нём службу.

В ноябре 1857 г. прихожане Глинкина выступили с ходатайством перед епископом Калужским и Боровским Григорием. Заключалось оно в том, чтобы единоверцам было дозволено совершать браки в Покровской церкви с лицами господствующего вероисповедания с последующим включением их в списки единоверцев. На основании “Правил единоверия” епископ Григорий — строгий блюститель порядков государственной церкви — отказал сухиничанам. Тогда от них последовало аналогичное прошение, уже на Высочайшее Имя. Его разбирательство растянулось на несколько лет и завершилось отказом (28).

Наступил 1863 г. — переломный в судьбе Глинкина. В июне единоверческий священник отправился в Троице-Сергиеву лавру. Путь лежал через Москву. Зная, что в городе находятся епископы белокриницкой иерархии, отец Григорий решил использовать этот шанс и, встретившись с ними, присоединиться к древнему православию. Прихожане одобрили его план, написали просительное письмо. С Глинкиным поехал еще один человек — сопровождающий (29).

В Москве сухиничских единоверцев свели с архиепископом Антонием (Шутовым).

“Он принял нас как истинный пастырь и служитель Христов, и поговорил с нами ласково, по отечески, — вспоминал Глинкин, — потом оставил нас ночевать и занимался со мною разговором до 11-ти вечера, а между разговорами он послал собрать прочих епископов для совету” (30).

Глинкин и его прихожанин ночевали одни. Совет епископов состоялся той же ночью. На следующий день в 5 утра архиепископ Антоний пришёл вместе с епископом Савватием к Глинкину и сообщил решение совета:

— Отец Григорий, мы собором тебя, по благодати, данной нам от Бога, прощаем. И по совету общему приемлем в число паствы нашей.

Поди со владыкою и принеси покаяние перед Богом о своем падении (31).

22 июня 1863 г. в доме московского купца Ивана Бутакова Глинкин был принят на духовную исповедь и по чиноположению присоединён епископом Савватием к Древлеправославной Церкви Христовой с сохранением сана. На следующий день отслужил литургию вместе с владыкой (32).

Однако присоединение Глинкина не решило всех его проблем. К тому времени в среде сухиничских старообрядцев стали сказываться последствия издания “Окружного послания”. Некоторые из прихожан Глинкина перешли на сторону “неокружников”. В городе возникли 2 враждующих лагеря. Глинкин подвергался постоянным нападениям со стороны древлеправославных христиан, не принявших “Окружного послания”. Однако он находил силы мужественно, с благодарностью принимать и переносить все обиды (33).

После присоединения Глинкина борьба сухиничских единоверцев за независимость от епархиального начальства приняла новый, более острый характер. Обусловлена она была, с одной стороны, ослаблением гонений, с другой — тем, что Глинкин уже

перестал быть единоверческим священником. Очередной ход сухиничан показывает, что они остались по сути своей теми же, кем и были, — самыми убеждёнными старообрядцами. Семя единоверия не принесло в Сухиничах плода. Духовная почва для него оказалась здесь непригодной.

Во второй половине 1863 г. сухиничские единоверцы подали прошение в министерство внутренних Дел с тем, чтобы Глинкин был выведен из подчинения епархиального архиерея, а метрические книги разрешено им было подавать в местное смотрительское правление, как заведено для старообрядцев. В случае отказа сухи-

Смоленский собор в г. Сухиничи

ничане испрашивали дозволения обращаться к священникам белокрыницкой иерархии (34).

Прошение это отправили из МВД через калужское губернское правление в духовную консисторию (сентябрь 1863 г.). Новообрядческое духовенство, заглянув в “Правила единоверия”, отказало в ходатайстве (35). Но его откровенный и смелый характер заставил епархиальную верхушку перейти в контрнаступление. Весь шквал атак обрушился на Глинкина. У отца Григория и его прихожан осталась одна надежда: на второе ходатайство, поданное на Высочайшее Имя.

В октябре 1863 г. Глинкин получил от епископа Калужского и Боровского три запроса. Первый: известно ли ему о ходатайстве прихожан и сочувствует ли он их просьбе?

Глинкин не стал лукавить и ответил, что желание единоверцев ему ведомо и “сочувствие” его с прихожанами “единодушное” (36).

Вторым запросом было: почему Глинкин за весь 1863 г. ни разу не был на исповеди, а его домашние не исповедовались и не причащались?

Отец Григорий сообщил, что, поскольку прихожане хотят находиться на правах старообрядцев и ждут решения по этому поводу, то он и его домашние не могут противиться общественному желанию (37).

“По каким побуждениям и в каких видах, и на основании каких правил апостольских или святоотеческих пришел в единодушное желание с прихожанами своими выйти из-под влияния своего епархиального архиерея и рукоположить?...” - гласил третий запрос Преосвященного. Уклоняясь от переписки, Глинкин ответил, что болен, что объяснить ничего не может, просит простить. К письму отец Григорий приложил заявление об увольнении за штат по старости и слабому здоровью (38).

Епископ отказал Глинкину. Духовное начальство знало, что Глинкин не настолько слаб, как он о себе доносит. Полагая, что отец Григорий, увольняясь, преследует цель свободно священствовать у старообрядцев, духовная верхушка поручила благочинному единоверческих церквей Андрею Смирнову провести по сему поводу дознание, Глинкину сделать внушение и прихожан его тоже наставить на путь истинный. Глинкин отказался говорить со Смирновым. Объяснение он представил письменно. Сухиничские единоверцы тоже заявили, что не желают подчиняться епархиальному архиерею (39).

В ответ последовал ещё один удар. Через того же Смирнова Глинкину было передано, чтобы не ждал увольнения. И еще напомнили 31-е правило Свв.Апостол: “аще который пресвитер, презрев собственного епископа, отдельно собрания творити будет, и олтарь иный водрузит, не обличив судом епископа ни в чем противном бла-

гочестию и правде, да будет извержен...”(40).

Глинкин возразил: “противного 31 правилу ничего не творю”. И открыто продекларировал свою позицию: “Мы приемлем старые книги прежних пяти патриархов, в которых употребляется крестное знамение двуперстного сложения, также и брадобритие воспрещается, а в новых книгах употребляется трёхперстное сложение и брадобритие не воспрещается, по этому случаю и не можем быть под властью духовной (новообрядческой — В.Б.), поелику противно совести нашей, а желаем, как предки наши находились, так и мы” (41).

В начале 1864 г. сухиничские единоверцы представили свои метрические книги в городскую полицию, как полагалось для старообрядцев. Затем Глинкин передал благочинному единоверческих церквей А.Смирнову клировые ведомости и сообщил, что община не желает иметь скреплённую и прошнурованную консисторией обыскную книгу. В марте того же года отец Григорий отказался получать окладное жалование. Этот поступок он мотивировал тем, что ожидает решения вопроса о Покровской церкви от высших властей империи (42).

Чтобы понять, какой груз лежал в то время на плечах Глинкина, нужно иметь в виду, что борьба с епархиальным начальством за независимость Покровского храма была, выражаясь военным языком, лишь одним фронтом “боевых действий”. Приходилось противостоять еще и “неокружникам”. В феврале 1864 г. Глинкин признавался в письме архиепископу Антонию: “Я упал духом, поелику вижу своё конечное уничтожение от начальства с запрещением от службы, и уничтожение от своих христиан, которые поносят с нареканием еретика и разных укоризн... Но я это приемлю всё с благодарением” (43).

Владыка Антоний ответил Глинкину на следующий день после получения его письма. Он прислал ему слова духовного утешения и своё архипастырское благословение. Но чуткое его сердце предугадывало уготованные сухиничскому священнику испытания. “О последовавшем к вам от начальства запрещении от службы много не унывайте, ибо по вновь вышедшему в прошлом декабре месяце закону, обращающихся к нам от внешних велено подвергать только увещанию... Аще же и тягче что постигнет вас, то и воздаяние больше получите от Царя Царствующих. Помытуйте евангельское слово: «Никто же возлож руку свою на рало и зря в спясть, управлен есть в Царствии Божии» (44).

Вскоре, в апреле 1864 г., духовное начальство постановило лишить сухиничского священника сана и представило своё решение на утверждение Синода (45).

В начале 1865 г. высшее духовное ведом-

ство утвердило намерение калужских епархиальных властей, но внесло в постановление консистории свои коррективы. Сан отцу Григорию сохранялся, но, «чтобы дать возможность заблудшему раскаяться», Глинкина велено было заключить в тюрьму Суздальского Спасо - Евфимиева монастыря.

Одновременно Синод довел до сведения епископа Калужского и Боровского Григория, что прошение сухиничских единоверцев на Высочайшее Имя о выходе из подчинения епархиальным властям отклонено (46).

9 января 1865 г., за 3 дня до утверждения синодского указа, отец Григорий отправил епископу Антонию письмо. Он выражал владыке чувства самой глубокой верности: «Господь свидетель, что я душою моею предан к вам все равно как самому Христу Спасителю», - и отослал ему в дар свою именную лестовку (47).

О нависшей над Глинкиным опасности никто не знал. Общий тон письма не давал никакого повода для волнений. «Радуясь, что вы в настоящее время ничем от начальства не обеспокоены», — отвечал архиепископ Антоний отцу Григорию. Но предчувствие чего-то недоброго смущало его: «Впрочем, впредь до того, чем решится окончательно ваше дело, советую быть осторожной, и, если будет предстоять какая опасность быть взятым, на время не худо и укрыться» (48).

Сразу арестовать Глинкина не удалось. Он не явился на вызов епископа выслушивать синодский вердикт. Заявил, что всё общество прихожан не хочет его знать. И вскоре бежал из Сухиничей.

Бывшим единоверцам предложили избрать себе другого священника. Но те уклонились от ответа «за отсутствием влиятельных членов общества». Между тем в Покровском храме регулярно шла служба, даже с колокольным звоном.

Узнав об этом, епархиальное начальство распорядилось опечатать церковь, ключ и сохранность имущества поручить старосте — купцу Лаврентию Шавыкину (бывший попечитель сухиничской старообрядческой моленной). Однако прихожане Покровского храма, понимая, что церковь не удержать, попросили описать имущество, а от храма отказались (49).

Церковь опечатали, и надзор за нею взяла на себя местная полиция.

В середине 1865 г., следуя указу из Синода, епархиальное начальство ещё раз предложило бывшим единоверцам избрать себе священника. Сухиничане ответили, что им, во-первых, кроме Глинкина никто больше не нужен, во-вторых, содержать батюшку стало теперь обременительно: число приписанных к Покровской церкви семейств уменьшилось — ранее их было под 70, осталось не более 10-ти. «...Желаем пребы-

вать на прежних старообрядческих правах», — заявили последние сухиничские единоверцы (50).

Скрываясь, Глинкин постоянно менял место жительства, переезжал из уезда в уезд. Везде он опирался на помощь старообрядцев, которые скрывали его, давали жильё. Но в апреле 1866 г., несмотря на все меры предосторожности, он всё же был схвачен. Арестовали отца Григория в деревне Ряполово Жиздринского уезда (ныне Думиничский район) в доме некоего крестьянина по имени Евтропий в 2 часа ночи (51).

В архивных материалах сохранилось описание внешности Глинкина. «Лет около 60-ти, но бодр и свеж, телосложения плотного, рост высокий, волосы черные, борода окладистая с большою проседью, наружность имеет вообще красивую» (52).

Задержавший Глинкина Жиздринский уездный исправник опасался, что, когда старообрядческого священника повезут через Сухиничи, в городе могут возникнуть беспорядки. Поэтому он решил сопровождать отца Григория лично. Глинкин и конвой прибыли в Сухиничи ночью. Очевидно, такое время суток также было выбрано из предосторожности. Но слухами земля полнится: местные старообрядцы уже знали, что отец Григорий арестован. Несмотря на глубокую ночь, увидеть и проводить Глинкина «собралось народа довольно много». В своем рапорте губернатору уездный исправник описал сцену, свидетельствующую о большой любви старообрядцев к преследуемому священнику. «Когда показался Глинкин на станции, подходили к нему, кланялись многие в ноги, целовали его и прощались» (53).

19 апреля 1866 г. отец Григорий был доставлен в Калугу, а на следующий день его препроводили в тюрьму Спасо-Евфимиева монастыря.

Этот день — 20 апреля — можно условно считать последним в истории сухиничского единоверия. Его полный развал в этом маленьком безуездном городке, возникновение здесь мощного противоединоверческого движения свидетельствуют о крепости местных традиций древнего православия.

Сухиничские события хорошо показывают отношение господствующей церкви к единоверцам. При общей системе иерархии на деле единоверцы были постоянно ущемляемы в правах.

«Молитесь по-старому, только будьте наши», — таков был девиз единоверия. Государственная церковь руководствовалась им повсеместно. И Сухиничи не стали исключением. На примере сухиничских событий хорошо раскрывается и сущность единоверия как института, служащего господствующей церкви в борьбе с древлеправославием. Не пастырским словом, не примером добродетельности призывали в едино-

верие, но загоняли кнутом откровенно дискриминационного закона. Все вопросы, касающиеся независимости Покровского храма, переходов из господствующего вероисповедания в единоверие при заключении браков решались не в пользу единоверцев. Оно и неудивительно: распространение единоверия — этого временно лишь необходимого института государственной религиозной машины — было невыгодно.

Борьба прихожан Покровского храма за независимость и выход из единоверия, жизнь и трагическая судьба Григория Глинкина — один из множества малых ручейков, сливающихся вместе в огромный поток с вековой историей — общую борьбу древлеправославных христиан за духовную свободу земли русской.

В ГАКО имеются сведения о двух прошениях, которые подавала в Синод и на Высочайшее Имя дочь Глинкина Елена. Она ходатайствовала об освобождении отца (54).

Первую просьбу Синод рассмотрел в конце 1866 г. и отклонил ее. “Всепопданнейшее прошение девицы Глинкиной не заключает в себе никаких данных к оправданию отца ея... в тех незаконных поступках, за которые он подвергнут заключению”, — такова была формальная причина отказа (55).

Второе ходатайство Е.Глинкиной, адресованное царю, передано было в Синод. Высшее духовное ведомство рассмотрело его в январе 1867 г. и также отклонило (56).

Мы пытались отыскать какие-либо сведения о Глинкине в Государственном архиве Владимирской области. Ответ на наш запрос оказался краток: “В фондах Владимирской духовной консистории и Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря документов о священнике Г.М.Глинкине не имеется”.

Однако некоторые сведения о судьбе отца Григория сохранились на страницах старообрядческого журнала “Церковь”. В монастырской тюрьме при нечеловеческих условиях содержания отец Григорий провел по одним данным 15 лет, по другим — 12. После освобождения он вернулся в Сухиничи, к своей пастве и “утверждал её не покидать установлений свв. отец, но терпеть всякие гонения ради Христа и Его Евангелия”. Умер отец Григорий спустя год после возвращения. Однако указывается и другая цифра — 5 лет (57).

Личность Глинкина в истории сухиничского старообрядчества нельзя оценивать однозначно — жизнь и деятельность отца Григория запутаны в сложный клубок.

Рукоположение, которое получил Глинкин от новообрядческого архиерея — канонично, поскольку господствующая церковь не утратила преемственности апостольской хиротонии. Но, чтобы получить духовный сан, Глинкин пошёл

на заведомый обман. Сколь велика есть тяжесть этого греха — под силу определить лишь Богу. Нам же следует иметь в виду, что единоверческий уставщик дерзнул на такой шаг ради того, чтобы многие десятки старообрядцев сохранили чистоту веры в тяжёлых условиях гонения. И нет вины отца Григория в том, что все его дальнейшие попытки присоединиться к Древлеправославной Церкви Христовой завершились неудачей. Для этого он сделал всё, что мог.

Учреждение единоверческой церкви в Сухиничах принесло местным старообрядцам немало вреда. Но отец Григорий в её создании не виноват. Тут действовали совсем другие силы. Учреждение единоверия в Сухиничах не было инициативой Глинкина. Напротив, он приложил все усилия, чтобы привести свой единоверческий “кораблик” к Древлеправославной Церкви Христовой. К тому же все негативные последствия создания в городе единоверческого прихода были довольно быстро сглажены сами собою.

Отец Григорий не повёл активной борьбы против не пожелавших принять единоверие. Все его увещания и прочая “пропагандистская работа” были весьма вялыми и диктовались не убеждением совести, а необходимостью лавировать.

Доносы — вот что может стать пятном на деле отца Григория. Конечно, что за священник тогдашней синодальной церкви без доносов. Так-то оно так, но это обстоятельство в оправдание Глинкина не служит. И здесь один Господь Бог, приведший своего служителя к исповеди и покаянию, определит тяжесть его греха. Подчеркнем: греха, который отец Григорий искупал по промыслу Божьему долгие годы в застенках Спасо-Евфимиева монастыря, отвергая уговоры вернуться в синодальное православие. Этим исповедническим подвигом Глинкин доказал верность Древлеправославной Церкви Христовой и свое стремление трудиться на её благо.

Единоверческий храм в Сухиничах, оставшийся без хозяев, постепенно разрушался. Средств на ремонт не находилось. Все оставленные в церкви вещи перенесены были на хранение в сухиничский Смоленский собор. Антиминс с алтаря Покровского храма сняли, и 12 декабря 1870 г. он был представлен епархиальному архиерею (58).

Минуло несколько десятков лет.

В 1906 г. калужская духовная консистория выступила с ходатайством перед строительным отделением губернского правления о возобновлении Покровской церкви. В ней предполагалось устроить новый придел в память рождения наследника российского престола — царевича Алексея Николаевича (59). Однако церковь пришла к тому времени в такую ветхость, что провести в ней ремонт не представлялось возможным.

Тогда, спустя 4 года, комитет по переустройству храма возбудил ходатайство о перенесении единовременной церкви на сухиничское кладбище (60). Калужский губернский инженер предложил вовсе разобрать храм, который стоял «на честном слове», грозя развалиться сам собою, придавить какого-нибудь случайного прохожего. В конце 1910 г. разобрали лишь верхний ярус покосившейся колокольни. Храм же не тронули (61).

28 января 1913 г. строительное отделение утвердило проект переноса Покровской церкви на сухиничское кладбище. Однако работы эти из-за отсутствия денег так и не были произведены (62).

Последующая судьба Покровского храма не прослеживается.

ФЁДОР УЛЬЯНОВ

3 февраля 1818 г. в козельской деревне Перновичи (в 1840г. вошла в состав г. Сухиничи) произошел случай, всколыхнувший всё её население. Дело в том, что сюда из стародубского Покровского монастыря приехал старообрядческий священник Фёдор Алексеев и, когда он совершал таинство бракосочетания в молельном доме местных крестьян Червячковых, туда вломилась пара сухиничских старообрядческих священника, диакон, причётники и сотский. Прервав венчание, они схватили Алексева за ризу и поволокли на улицу. Но во дворе отец Фёдор стал кричать. На его голос сбегались крестьяне-старообрядцы, жившие по соседству. Они потребовали отпустить Алексева и прекратить безобразие. Возникло препирательство, потасовка. Уразумев, что численное преимущество более не на их стороне, сухиничские священники отца Фёдора отпустили.

Однако они не успокоились. Они помчались к квартировавшему неподалеку полковнику, попросили помощи. Тот, взяв с собой солдат и унтер-офицера, пошел к Червячковым и, не утруждая себя разбирательствами, арестовал Алексева.

Отец Фёдор был судим. Наказание ему не назначили, лишь повелели убираться обратно в монастырь, поскольку, пока шло следствие (около года), срок документов священника истёк. Какое наказание понесли (и понесли ли вообще) за свою выходку инициаторы этого бесчинства, в деле Алексева сведений не оказалось.

Зато в его бумагах, среди имён и фамилий крестьян, отбивших старообрядческого священника у сухиничских хулиганов в рясах, встречается некто Андрей Ульянов (63). Может, сухиничский третьей гильдии купец Фёдор Андреевич Ульянов — его сын?

За противоединоверческую деятельность Фёдор Ульянов неоднократно подвергался нападкам со стороны официальных властей. Купцу (после 1854 г. он пользовался свидетельством на временном праве) угрожали судом. 17 марта 1857 г. Фёдора Андреевича вызвал к себе сухиничский смотритель. Какой между ними состоялся разговор, мы не знаем. Но в тот день «от страха клеветы и при угрозах» Ульянов дал подписку о присоединении к единоверию, против которого так отчаянно боролся. Этот росчерк пера спас купца от суда в сухиничской городской ратуше (64).

Но обязательства своего Ульянов не исполнил.

В том же 1857 г. сухиничский надзиратель осведомлялся у Глинкина, «обратился» ли Фёдор Андреевич в единоверие. Отец Григорий ответил, что Ульянов к нему в церковь не ходит, а призывает ли следовать своему примеру других — о том ему не известно (65).

В начале февраля 1859 г. калужская духовная консистория передала в губернское правление ходатайство, чтобы Ульянова препроводили на увещание (66). Заработали силовые рычаги. От гражданской власти последовало соответствующее распоряжение сухиничскому надзирателю (67). И вскоре Фёдор Андреевич был вызван на увещание, где он отказался изменить древнему православию. Тогда из консистории Ульянова отослали для дальнейшего разбирательства в губернское правление. Там купца решили предать суду сухиничской городской ратуши (68).

Дело Ульянова разбирали там в 1860 г. В июне из ратуши оно направилось на ревизию в вышестоящую инстанцию — калужскую палату уголовного суда. Окончательный приговор оказался не особенно страшным: подвергнуть вторичному увещанию, а в случае отказа — «обязать его подпискою отнюдь не распространять раскола и увлекать к тому других под опасением законного взыскания». Это значило: жить тише воды, ниже травы, никого в древнее православие «не агитировать», никому не мешать ходить в старообрядческий храм и т.п.

Когда Фёдор Андреевич Ульянов родился, мы не знаем. Но жизнь ему выпала долгая. Последнее упоминание о нем встречается в документах калужской духовной консистории за 1893 г. (69). Тогда, следуя императорскому указу, консистория повелела благочинным и приходским священникам представить списки старообрядческих начетчиков, «вожаков» и духовных лиц с краткой характеристикой каждого.

Несмотря на преклонный возраст, угодил и Фёдор Ульянов в «вожаки». Вот как отзывался о нём сухиничский протоиерей Алексей Троицкий: Ульянов — «уже древний и дряхлый старец, отличавшийся богатою памятью, даром слова,

природным умом, большой начитанностью и наблюдательностью. В беседах кичлив и в своих убеждениях упорен”. Да, уж Фёдору Андреевичу было что вспомнить, что рассказать.

Судьба Ульянова — яркая иллюстрация насильственного обращения старообрядцев в единоверие.

ФЁДОР СКАЛДИН

В августе 1856 г. Глинкин подал в сухиничскую городскую ратушу рапорт, в котором сообщалось, что местный купец Фёдор Кузьмич Скалдин, изъявивший желание присоединиться к единоверию и давший о том подписку, не бывает в церкви. Дело дошло до консистории. Поначалу епархиальное начальство решило применить к Скалдину “меры наставления и увещания” (70).

8 марта 1857 г. духовная консистория сообщила губернскому правлению, что Глинкин пробовал наставить Скалдина “на путь истинный”. Купец попросил недельку на раздумье и советы с семьей, но “никакого отзыва о себе не дал” (71).

Губернское правление предписало отдать Скалдина под суд и строгий надзор полиции. Купца обвинили в обманном получении торгового свидетельства: подписку о присоединении к единоверию дал, купеческие документы взял, а старую веру по-прежнему исповедует. К тому же за Фёдором Кузьмичем обнаружилась недоимка. Он не оплатил пошлину за гербовую бумагу, использованную при оформлении купеческого свидетельства.

Осенью 1857 г. Скалдина судили в сухиничской ратуше. Выяснилось, что о торговом свидетельстве он не ходатайствовал. Но документ этот ему оформили. Вот и не стал Скалдин платить гербовые сборы за ненужное ему свидетельство и пользоваться им отказался (72).

Отверг он и синодальное православие (73).

30 декабря 1857 г. сухиничская городская ратуша передала дело Скалдина на ревизию в калужскую палату уголовного суда. Здесь оно слушалось 24 января 1858 г. Суд не нашел оснований для привлечения Скалдина к ответу за “уклонение в раскол”, поскольку данная им подписка о присоединении к единоверию означала лишь его намерение присоединиться, но никак не само присоединение. Однако “за упорное пребывание в расколе” Фёдора Кузьмича приговорили к увещанию в духовной консистории. Скалдину надлежало в определённый срок явиться туда и выслушать нравоучение. В случае отказа от синодального православия Скалдин должен был дать подписку “о нераспространении

раскола” (74).

О приговоре своём Фёдор Кузьмич сразу забыл. После суда трижды давал он в сухиничской городской ратуше подписку, что явится в консисторию. И все 3 раза обещания свои нарушал (75).

Епархиальная верхушка устала ждать. Консистория прибегла к силовым рычагам губернского правления, обратившись туда с просьбой о принудительной высылке Скалдина на увещание (76).

В июле 1859 г. Фёдора Кузьмича задержали и препроводили в Калугу (77). Чем закончилось увещание, сведений нет. Но, как и в случае с Ульяновым, учитывая непреклонный характер бывшего купца, наиболее вероятным будет предположение, что синодальное православие он также отверг. Тем более, что за отказ Фёдору Кузьмичу ничего особенного не грозило и ничего не стоило отделаться от консисторских попов-“доброхотов” очередной подпиской.

ВАСИЛИЙ КЛОЧКОВ

Василий Иванович Клочков поселился в Сухиничах в 1840-х гг. Как уставщик он руководил богослужением в старообрядческой молельной, читал каноны по умершим и новорожденным. Известны имена двух его предшественников-уставщиков: Терентий Ефремов (умер в 1837г.) и его родной брат из д.Пурсовки Малоярославецкого уезда Иван Ефремов (78). В конце 1847 г. пошли на Клочкова доносы, что он “склоняет” сухиничских граждан придерживаться древнего православия, а числящихся в господствующей церкви незаконно-де заносит в списки старообрядцев. Тогда же, во второй половине 1840-х гг., против Клочкова возбудили уголовное дело по “сворачиванию в раскол” (79).

Разбирательство тянулось до 1855 г. Предъявленных обвинений Василий Иванович не признал и подал апелляцию в Сенат (80).

В следующем, 1856 г., когда в Сухиничах учредили единоверческую церковь, Клочков и Ульянов активно призывали не подчиняться синодальному священнику Глинкину и твёрдо держаться веры отцов. В августе того же года в калужское губернское правление последовала “жалоба”, что Василий Иванович “занимается исполнением у раскольников различных треб, постоянно старается склонить новообратившихся к единоверию граждан г.Сухиничи не ходить в единоверческую церковь, не слушать священника Глинкина и не принимать его в дома свои” (81). Глинкин тоже доносил, что не может добиться успехов в увещаниях, пока в городе находится Клочков (82). Как видим, противостояние старообрядцев и единоверцев оказалось весьма ост-

рым.

Обратим внимание на слова: “занимается исполнением... различных треб”. Значит, в середине 1850-х гг. Клочков был уже рукоположен в священнический сан. Это вполне вероятно. В 1853 г. в России уже находится архиепископ Владимирский Антоний (Шутов), а до этого, в 1849 г. на Симбирскую кафедру был поставлен печально известный в истории старообрядчества епископ Софроний.

Калужское губернское правление, к которому вернулось из Сената дело Василия Ивановича, постановило взять Клочкова под стражу и депортировать в Воронок. Ставился вопрос о том, чтобы в этом стародубском посаде местные власти взяли Клочковых под надзор и не выдавали документов для поездки в другие города (83).

Василий Иванович не дождался, что там надумают в губернском правлении по поводу его дела. В 1856 г. вместе с семьей он уехал куда-то из Сухиничей (бежал?) (84). На него объявили всеимперский розыск. Но так и не нашли.

В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки хранится дело на старообрядческого священноинока-схимника Никанора, жившего в с. Брынь Жиздринского уезда (верст 18 от Сухиничей) (85). Никанор не принял “Окружного послания” и отказался подчиняться архиепископу Антонию. За ним последовали некоторые прихожане Глинкина (86). В 1866 г. Никанор был соборно запрещён в священнослужении. Объявить ему это решение Московский духовный совет поручил священнику... Василию Ивановичу Клочкову (87).

Совпадает всё — и имя, и фамилия, и отчество. И делегат Московского духовного совета должен был хорошо знать окрестности Сухиничей. Логично предположить, что в деле Никанора упомянут тот самый Клочков — один из лидеров противоединоверческой оппозиции в безуездном калужском городке. Есть ещё данные, что после ареста Глинкина в Сухиничах около года служил у старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию, священник с именем Василий (88). Возможно, и здесь речь идет о том же Клочкове.

И последнее. В январе 1866 г. был подвергнут соборному запрещению в священнослужении калужский священник Василий Алимпиев — к неокружникам перешел. На его место московский духовный совет определил — опять те же имя и фамилия — Василия Ивановича Клочкова. Понятно, почему он долго в Сухиничах не удержался — приходилось разрываться между ними и Калугой, да к тому же преследования.

В феврале 1867 г. Василий Алимпиев раскаялся в отступлении. Ему позволили служить. А Клочков был, вероятно, отозван. Куда при-

вела его потом судьба и где окончил он свои дни — увы, вопрос (89).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются избранные письма из переписки Г.Глинкина и архиепископа Антония (Шутова), которые хранятся в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (г. Москва): ОР РГБ. Ф.246. К.№170. Ед.хр.5.

I.

ПИСЬМО Г.ГЛИНКИНА НЕИЗВЕСТНОМУ АДРЕСАТУ

17 СЕНТЯБРЯ 1863 г.

Благословением Бога Отца Вседержителя и единосущного Его Сына Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятого Животворящего и Сопрестольного Духа; — сыновом Святыя Соборныя и Апостольския Церкви чадом возлюбленным и сопричастником Царствия Небесного, древлеотеческого благочестия хранителем и всем православным христианам — мир и благословение! от престола Господа Славы и от храма Покрова Пресвятыя Богородицы вам посылаю «нрзб». Почтеннейшия и благосклоннейшия сынове Церкви, аз, многогрешный иерей Григорий, зная вашу любовь ко истинно христианской вере и благопримерное попечение и внимание к Церкви Божией и видя ваши религиозные и благочестивые качества и толико вашего христианского благочестия и ценя в душе своей, я с истинным уважением преклоняю выю свою пред вами, и в полной надежде на ваше христианское внимание ко мне, грешному, я открываю пред вами свои священные чувства и имею искреннее усердие дать ответ на ваше требование и вполне удовлетворить ваше желание. Когда Господу Богу угодно было избрать меня, грешного, во святыи превеликий степень священства, тогда, по ходатайству сухиничского общества и по разрешению Его Императорского Величества я был посвящен калужским епископом Григорием во священника по древнему чиновнику, который был принесен мною, и по посвящении я был отправлен в Сухиничи, нигде не служа ни одной литургии. Потом по прошению нашему нам было дозволено освятить церковь одним, не требуя никого, что и было исполнено. Я и освящал один церковь с помощью прихожан. И когда мы свое желание получили вполне, тогда обратились мы с просимостью в Тулу к отцу Павлу, чтобы нам обряд исполнить вполне и очистить совесть, к тому же мне и отца духовного иметь. И когда мы поехали в Тулу и явились к отцу Павлу, и пода-

ли письмо просительное от имени общества, а потом стали просить его, чтобы принял меня на покаяние и по чиноположению что нужно исправить, тогда он такой показал на нас зверской образ, что мы не знали, как и отойти от него, и сколько мы его не просили, но все наши прошения оставались в туне. Тогда мы заплакали горько, да и пошли от него, потом отправились в дом. По приезде нашем мы еще имели надежду обратиться к австрийскому священству. Но когда обратились с просимостию, ту же участь получили. Так продолжалось время у нас до нынешнего года (т.е. до 1863 — В.Б.). Вот в июне месяце я заблагорассудил отправиться к преподобному Сергию помолиться да и предложил своему обществу. И оне сейчас написали просительное письмо и поручили уполномоченному человеку, и отправили нас в Москву, чтобы обратиться лично с просимостию к собору и просить милости у епископов, так как они власть имеют, данную от Бога, вязать и решать, тогда мы отправились. По приезде нашем в Москву мы прожили в ней 8 дней и все не могли добиться, чтобы видеть епископов. И уже наша надежда стала иссякать, и мы стали думать, что наше желание останется без исполнения. Однако Бог, видя наше усердие, послал нам такого человека, который все свои силы употребил к старанию, и довел нас к архиепископу Антонию, и он нас принял как истинный пастырь и служитель Христов, и поговорил с нами ласково, потечески. Потом оставил нас ночевать и занимался со мною разговором до 11 часов вечера; а между разговорами он послал собрать прочих епископов к себе для совету. И они тотчас пришли к нему. Тогда архиепископ нас оставил, а с ними отправился в другую комнату. И стали они советовать о нас, грешных, и какой у них был совет, этого нам неизвестно, потому что мы одни ночевали. А поутру в 5 часов входит к нам Арх. Антоний с епископом Савватием, и говорит мне: “Вот, отец Григорий, мы собором тебя, по благодати, данной нам от Бога — прощаем. И по совету общему приемлем в число паствы нашея, поди со владыкою и принеси покаяния пред Богом о своем падении”. И мы отправились в дом купца Ивана Петровича Бутакова, где я был принят по чиноположению, и на духовную исповедь 22 июня. А 23 числа сподобился служить литургию с отцом духовным, епископом Савватием, а после литургии, получив благословение, я отправился к Арх. Антонию и от него сподобился получить святое миро для миропомазания при крещении и две книжицы для напутствования христиан. И с благословения его, отправились в путь свой, благодаря Господа Бога и святых отец «нрзб». Теперь, кажется, довольно вам моего объяснения, и с пожеланием всех благ остаюсь

почитающим вас. Ваш богомolec иерей Григорий — мир и благословение посылаю вам.

Сентября 17 — 1863 года. Адрес пишется: в Сухиничи, старообрядческому священнику отцу Григорию.

Л.1 об. — 2.

II.

НАСТАВЛЕНИЕ СЯЩЕННОИЕРЕЮ ГРИГОРИЮ СУХИНИЧСКОМУ, КАКО ОТВЕЩАТИ О ПЕРЕХОДЕ СВОЕМ К ИСТИННОЙ ВЕРЕ*

30 ноября 1863 г.

Увещание.

От рассказа дальнейших подробностей удержитесь. Чем короче будете отвечать, тем лучше вас не запутают. В особенности не сознавайтесь, в чьих домах вы были, ибо чрез это вы привлечете к вопросам посторонних лиц, чрез это выйдет только излишняя проволочка, для вас бесполезная, а для них беспокойство. Так и имя архиепископа Антония поминать при допросах не нужно. Довольно указать и на одно лицо, которое действительно совершило над вами чиноприятие. Так и древние христиане во времена гонений не открывали места, где скрываются их пастыри и наставники. Что же касается до причины перехода, то небоязненно отвечайте, яко же Дух Святыи научит вас в тот час по неложному Евангельскому обетованию, яко вы познали истину не по человеческому увещанию, ниже из каких видов, но по внутреннему убеждению своей совести, основавшись на Божественном писании. А Господь Бог, приведший вас во свет познания святых непорочных нашей веры <нрзб> весть судьбами устроит о вас соеже доблестно претерпети находящие искушения и не попустит оные выше меры сил ваших, токмо будьте тверды, помятуя Евангельское слово: никто же возлож руку свою на рало, и зря в спясть, управлен есть в Царствии Божии 1). Апостол Павел страшнейше претит: волею бо согрешающим нам по приятию разума истины, к тому о гресех не обретается жертва. Страшно же некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго супротивныя. Отвергся кто закона Моисеова, без милосердия при двою или трех свидетель умирает, колице мнит горшеи сподобитися муце, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, в ней же освятися и дух благодати укорив 2) (Евр. зач. 324) от чего да сохранит и помилует вас Господь Бог, Того благодатию и человеколюбием.

30 ноября 1863 года.

Подпись отсутствует.

Л.3 — 3об.

* автор “Наставления” не установлен.

III.

ПИСЬМО Г.ГЛИНКИНА АРХИЕПИСКОПУ АНТОНИЮ

23 ФЕВРАЛЯ 1864 г.

Богоизбранному и Боголюбивому
Преосвященнейшему владыке Антонию
Архиепископу Московскому и Владимирскому
Сухиничской старообрядческой Покровской
церкви священника Григория Глинкина

челобитное письмо

По чувству христианскому аз, многогрешный и неключимый твой раб, недостойный нарещися именем иерея за невежеством, и не достоин, и не смею каснуться рукою моею пера, которое могло бы что-либо выразить на бумаге, страхом одержим есмь, но обаче с Божиею помощью приемлю смелость припасть к священнейшим стопам ног ваших и прошу Вашего Архипастырского и отеческого благословения, которое приемлю равно как ниспосланное от самого Христа Спасителя нашего.

Святый владыко,

с душевным прискорбием и сердечною болезнию, со слезами и рыданием преклоняю главу мою пред твоею святынею и бью челом о землю, молю и прошу твоего архипастырского милосердия, умилосердися, святый владыко, помилуй, Господа ради помилуй, обрати свое отеческое внимание на наш храм Покрова Пресвятыя Богородицы и на мое бедственное положение, оживотвори мой дух, подкрепи мою немощь, <нрзб> Господу Богу я упал духом, поелику вижу свое конечное уничтожение от начальства с запрещением от службы, и уничтожение от своих христиан, которые поносят с нареканием еретика и разных укоризн с поношением. Но я это приемлю все с благодарением претерпеть все Христа ради, только одно сокрушает мое сердце, что от своих христиан происходит. А именно, в Сухиничах есть уставщик из Гуслицы именем Зотик Ефимов*, который из своей корысти и желая более приобрести доходов, он все силы употребляет развращать народ и всем внушает, что мы еретики и не велит с нами вместе Богу молиться, говорит, что епископы неправильно священника приняли. Ему не должно служить, он не достоин, подобно ему и отец Никанор творит, что в Брыни в настоящее время моего прихожанина принимал чином, который приезжал к нему с уставщиком Зотиком Ефимовым. А сей прихожанин мой был принят мною по чиноположению, которая получил от вашего архипастырского благословения чиновни-

ка и по нему исполняю все, что должно и что мне было приказано, а все исполняю без малейшего упущения (видимо описка, правильно: “упущения” — В.Б.), а по какому они чиноположению приемлют, это всех нас удивляет и на все мое общество сильное излило влияние, все именно упали духом, и не знаем, что еще после сего будет. Впрочем мое общество хотят просить вашего архипастырского разрешения о происходящем сумнении и желают с душевным расположением быть под вашим покровительством, также и я с душевным моим прискорбием о таком горестном положении не менее общественного нахожусь в недоумении потому более, что вижу опустошение храма Божия, о котором все силы употребляем и стараемся равно как о своем душевном спасении, так и храме Божиим, о чем уже подали прошение Государю Императору и просим Его Величества соизволения оставить нашу церковь совершенно независимую от духовной власти — но внушивши такое расстройство священноинока Никанора и уставщика Зотика, мы находимся в великом прискорбии и не знаем, куда главу подклонить, однако я с твердым упованием на Бога и твое Архипастырское милосердие твердо надеюсь, что твоя могущественная власть, данная от Бога, может заградить уста всякому хулителю и непокорному. Владыко святый, молю и прошу твою святыню, умилосердися до нас, грешных, умири мир, укроти раздранье Церкви Христовой и не даждь в расхищении быти стаду Христову. Мы бо твоего стада овцы и имеем тебя от Бога данного нам пастыря и покровителя, и желаем всегда быть в покорении и послушании, а не прекословными. Напиши хотя малую грамотку отцу Никанору в Брынь и уставщику в Сухиничи, чтобы они оставили плевелы сорить и развращать стадо Христово, а внушали бы всем о соединении и любви, в чем заключается вера христианская, а не раздоры творить. Они твоего писания должны слушать. Есть ли же они не прислушаются твоего писания и будут противятся, то вы имеете право, данное вам от Бога, властью запретить им таковой разврат, а мы, грешные и смиренные рабы твои, будем вечно Господа Бога молить день и ночь о твоем здравии и душевном спасении, чтобы Господь Бог продлил вашу жизнь на многие лета для спасения и наставления своих овец, которые души свои вручаем твоей святыне и твоему правлению.

Вашего преосвященства и владыки
милостивого отца и архипастыря
нижайший и покорный послушник
Сухиничской старообрядческой Покров-
ской церкви священник Григорий Глинкин
февраля 25 дня 1864 года

Л.5 — боб.

* Зотик Ефимович Силин (умер в 1913 г.). Происходил из крестьян д. Давыдово Богородского уезда Московской губ. В восемнадцать лет уехал в Калужскую губернию, жил в Козельске и Сухиничах. Занимался иконописанием. До 1872 г. оставался старообрядческим уставщиком, затем был рукоположен во священнический сан. С самого выхода "Окружного послания" и до конца своей жизни оставался непримиримым его противником. Не признавал также и закон 1906 г. о регистрации старообрядческих общин.

О священноиноке - схимнике Никаноре был рассказан выше, в очерке "Но до конца да соблюдите истинную веру". Можно добавить, что родился он во второй половине 1820-х или первой половине 1830-х годов в д. Устоша Мосальского уезда Калужской губернии. В миру — Никола Дорофеев. "Раскольник закоренелый — на беседы публичные к православному миссионеру не является и старообрядцам ходить на беседы запрещает," — такую характеристику получил он от новообрядческого духовенства в 1893 г. (ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.1901. Л.28 об.).

IV.

ПИСЬМО Г.ГЛИНКИНА АРХИЕПИСКОПУ
АНТОНИЮ

9 января 1865 г.

Боголюбивому и Богом избранному
Благочестивому православному преосвященнейшему
владыке Антонию, Архиепископу
Московскому и Владимирскому и всея
России
Сухиничской старообрядческой
Покровской церкви священника
Григория Глинкина всеподданнейшее
и нижайшее письмо.

По чувству христианской любви как своему православному и благочестивому христианскому архипастырю бью челом о землю и, припадая к стопам святых ног ваших, прошу вашего архипастырского мира и благословения, которым Господа ради не лишите меня, грешного, по милости своей, чем много одолжите вашего нижайшего послушника. Владыко святый, вы меня простите, грубого невежду, что я не имею такого дару, которым бы мог выразить мои сердечные чувства к вам, но Господь свидетель, что я душою моею предан к вам все равно как самому Христу Спасителю. Впрочем, позвольте мне объяснить вам мои обстоятельства. Я в настоящее время нахожусь под покровительством, во-первых, Всевышнего Бога и вас, моего Архипастыря и владыки. Мы метрические книги получаем чрез полицию. А которые были от консистории, то мы от тех решительно отказались и от <нрзб> ли чрез благочинного, даже и от всех предписаний архиерейских и консисторских отказались и, благодаря Бога, теперь нас началь-

ство не беспокоит ничем, а впредь что Бог даст. Вас же покорнейше просим, святый владыко, нас, грешных, не оставит своею милостию и наставлениями, за что мы должны за вас вечно Богу молить, за ваше к нам снисхождение. В знак моей любви и преданности, святый владыко, посылаю вам именную лестовку и желаю вам душевного спасения.

Вашего преосвященства и владыки,
милостивого отца и архипастыря
нижайший послушник, священник
Григорий Глинкин.
Генваря 9-го дня
1865 года.
Лл.16 — 17.

V.

ПИСЬМО АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ
Г.ГЛИНКИНУ

22 января 1865 г.

Честный священноиерей Григорий.

Приятное письмо ваше от 9 числа с(его) м(есяца) и пожертвованную в знак усердия вашего лестовку я получил и за изъявляемое ваше сыновнее расположение и преданные чувства предпосылаю благодарение, и да будет на тя архипастырское наше благословение. Радуюсь, что вы в настоящее время ничем от начальства не обеспокоены. Впрочем, впредь до того, чем решится окончательно ваше дело, советую вам быть осторожней и если будет предстоять какая опасность быть взятым, то не пометая себя самопроизвольно в напасти, на время не худо и укрыться, понеже и сам Бог давал место гневу. Но если же неисповедимому Его промыслу угодно будет посетить вас таковым искушением, то есть предану быти в заключение, тогда не обижаясь, сохраните доброе исповедание непорочной вашей веры, крепче и неуклонне, не взирая ни на какие обольщения и угрозы. <нрзб> сподобитесь решити по апостолу: "Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох" и проч. (2 Тим. 4, 7). Утешайся и веруй неложному тому обетованию, глаголящему: "Буди верен до смерти и дам ти венец живота (Апокал. 2, 9-10) Премилосердый Творец, попускающий искушения, подаст и твердость вере тий и не попустит быти искушениям выше меры, точию веруй и надейся.

И, так восписав твоему священству сие мое краткое наставление, пребуду с отеческим к тебе расположением и любовью.

Подписал
Архиеп. Антоний

22 января.
Лл.18 — 18 об.

VI.

АКТ ОСМОТРА ПОКРОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ Г. СУХИНИЧИ

30 МАРТА 1910 г.

1910 г. марта 30 дня полицейский надзиратель города Сухинич, проезжая по городу Сухиничи, заметил, что в городе, в местности под названием Перновичи, стоит деревянная единоверческая Покровская церковь, которая совершенно пришла в ветхость и каждый час грозит падением, даже и в тихую погоду, а потому, пригласив нижеподписавшихся понятых, производил осмотр этой церкви. Причем оказалось: единоверческая Покровская церковь находится в середине местности Перновичи, ограды кругом ее не имеется, около церкви со всех сторон пролегают проезжие и пешеходные дороги, и близко стоят жилые постройки. Кроме того дети, играющие на улице, подходят к самой церкви, тут же прогоняют и ходит скот. Означенная церковь деревянная, по собранным сведениям построена в 1854-1855 годах, ремонт её никакой не производился, и в настоящее время столбы и сруб сгнили, при сильном ветре тёс, коим обшит сруб храма, отдирается от столба и сруба, падает на дороги, кресты совсем упали как с церкви, так и с колокольни, колокольня же покосилась на левую сторону, тёс от сруба местами уже сорван, перила с колокольни упали и ежечасно грозит падением (сама колокольня); во внутрь церкви без опасения не представляется возможным взойти, и ремонт какой-либо произвести церкви и колокольни нет никакой возможности, так как сруб и столбы все сгнили, храм этот по обсуждению присутствующих понятых подлежит немедленной сломке до основания, как грозящий опасностью проезжающим и приходящим. Полицейский надзиратель постановил: составить об этом настоящий акт и представить таковой на распоряжения Его Высокоблагородия Господина Козельского уездного исправника.

Полицейский надзиратель С.Губин.

При составлении акта присутствовали сухиничские мещане:

Мещ. Григорий Чернышков, Павел Иванов Гладков.

ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2550. Л.15-15об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известны две работы по истории сухинич-

кого единоверия: Марков С. Сухиничские единоверцы. М.,1885; Журавлев А. О единоверии в г.Сухиничах // Церковь. 1911. №26,27. С.Марков исследовал сухиничское единоверие, опираясь на доступные ему архивные документы, некоторые из них и сейчас хранятся в ГАКО. А.Журавлев - старообрядческий священник г.Сухиничи - в своей статье часто повторяет книгу С.Маркова, по-своему ее перерабатывая. Однако ему известны многие подробности из истории сухиничского единоверия, сохранившиеся в устных рассказах. Это делает статью А.Журавлева особенно ценной.

2. Марков. Указ. соч. С.5-6.

3. Марков. Указ. соч. С.7.

4. Журавлев А. О единоверии в г.Сухиничах // Церковь. 1911. №26. С.626.

5. Марков. Указ. соч. С.8-9.

6. Журавлев. Указ. соч. С.626.

7. Марков. Указ. соч. С.7. Моленная, о которой идет речь, построена была около 1800 г. в д.Перновичи, в 1840 г. вошедшей в черту г. Сухиничи.

8. Марков. Указ. соч. С.9.

9. Марков. Указ. соч. С.8.

10. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.1296. Л.2об.-3об. и клировые ведомости церковей г.Калуги за 1896г.

11. Марков. Указ. соч. С.10.

12. Марков. Указ. соч. С.10.

13. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.1об.

14. Марков. Указ. соч. С.10.

15. Марков. Указ. соч. С.9.

16. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.975. Л.2об.-3.

17. Там же. Л.2об.-3 об.

18. Там же. Л.3.

19. Там же. Л.2об.

20. Русское православие: вехи истории. М.,1989. С.309-381.

21. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.1об.

22. Там же.

23. Чтение по закону Божьему. М.,1996. С.63.

24. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.975. Л.2-4, 8-8об.

25. Там же. Л.17.

26. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.1603.

27. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.975. Л.8-8об.

28. Марков. Указ. соч. С.11-16.

29. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.2.

30. Там же.

31. Там же.

32. Там же; В статье А.Анискова Сухиничские старообрядцы (Церковь. 1908. №16) ошибочно указано, что Глинкин присоединился к Древлеправославной Церкви Христовой в 1856 г.

33. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.5.

34. Марков. Указ. соч. С.16-17.

35. Там же. С.17.

36. Там же. С.17-18.

37. Там же. С.18.

38. Там же. С.18-19.
39. Там же. С. 19.
40. Там же. С.20.
41. Там же. С.20.
42. Там же. С.20-21.
43. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.5.
44. Там же. Л.7об.
45. Марков. Указ. соч. С.21.
46. Там же. С.21-22.
47. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.170. Ед.хр.5. Л.16.
48. Там же. Л.18-18об.
49. Марков. Указ. соч. С.22.
50. Там же. С.22-23.
51. Там же. С.25.
52. ГАКО. Ф.32. Оп.5. Д.1091. Л.52.
53. Там же. Л.61.
54. ГАКО. Ф.62. Оп.3. Д.699, 1090.
55. ГАКО. Ф.62. Оп.3. Д.699. Л.3об..
56. ГАКО. Ф.62. Оп.3. Д.1090.
57. Журавлев А. О единоверии в г.Сухиничах // Церковь. 1911. №27. С.677; Анисков А. Сухиничские старообрядцы // Церковь. 1908. №16. С.588.
58. Марков. Указ. соч. С.26.
59. ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2550. Л.2.
60. Там же. Л.10.
61. Там же. Л.16.
62. ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2999. Л.1-13.
63. ГАКО. Ф.439. Оп.1. Д.1709.
64. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.1188. Л.3, 21.
65. Там же. Л.7-7об.
66. Там же. Л.1.
67. Там же. Л.2об.
68. Там же. Л.13.
69. Ф.33. Оп.3. Д.1901. Л.26.
70. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.1023. Л.1-4.
71. Там же. Л.5-5об.
72. ГАКО. Ф.130. Оп.1. Д.1180. Л.13об.-18об.
73. Там же.
74. Там же.
75. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.1166. Л.1.
76. Там же.
77. Там же. Л.3.
78. ГАКО. Ф.439. Оп.1. Д.1942. Л.82.
79. ГАКО. Ф.62. Оп.19. Д.1062. Л.1-4об.
80. Там же. Л.2об.
81. Там же. Л.3.
82. Там же. Л.2об.-3.
83. Там же. Л.19-20.
84. Там же. Л.21, 19-20.
85. ОР РГБ. Ф.246. Оп.1. К.203. Ед.хр.3.
86. Там же. Л.7.
87. Там же. Л.15 - 18об.
88. Анисков А. Сухиничские старообрядцы // Церковь. 1908. №16. С.588.
89. ОР РГБ. Ф.246. К.202. Ед.хр.9.

